

А. М. Буровский⁴

ЛОКУСЫ ПЕТЕРБУРГА: УРОЧИЩА В УРОЧИЩЕ

Санкт-Петербург — это антропогенное урочище. Но внутри этого громадного города очень хорошо прослеживаются другие урочища — поменьше. Естественно, «старые города имели социальную и этническую дифференциацию отдельных районов. В одних районах жила по преимуществу аристократия (в дореволюционном Петербурге аристократическим районом был, например, район Сергиевской и Фурштатской), в других — мелкое чиновничество (район Коломны), в третьих — рабочие (Выборгская сторона, другие заводские и фабричные районы и окраины). Довольно компактно жили в Петербурге немцы — на Васильевском острове, что описано в романе Н. Лескова «Островитяне»; немцы населяли отдельные пригороды — Гражданку, район Старого Петергофа, район в Царском Селе и пр. Этими же чертами отличались и дачные местности (например в Сиверской обитало богатое купечество; квалифицированные мастерские жили на дачах с дешевым пароходным сообщением по Неве, а также на Лахте, в Коломягах около Сестрорецкой узкоколейной железной дороги и т. д.). Были районы книжных магазинов и «холодных букинистов» (район Литейного проспекта, где со времен Н. А. Некрасова располагались и редакции журналов), кинематографов (Большой проспект Петербургской стороны) и др.⁵

Тут, как мне кажется, смешиваются два явления: расселение по сословно-классовому принципу и удивительная концентрация разных видов интеллектуальной жизни города в каких-то местах.

Можно найти причины, в силу которых аристократия жила на Фурштатской, а рабочие — неподалеку от фабрик и заводов. Но не так легко объяснить (по крайней мере, рациональными причинами), почему немцы выбрали именно Васильевский остров. То есть можно сослаться на «случайность», на «так получилось», но если все же не отмахиваться от явления, а постараться его понять, то сразу приходится рассуждать о стремлении инородцев как-то отделиться, хотя бы рукавами Невы, о том, что Васильевский был для немцев чем-то вроде замка с поднятыми на ночь мостами... Я не настаиваю на верности этой догадки — но в любом случае придется иметь дело с иррациональными вещами.

И уже совсем непостижимо: почему, по каким законам возникали в городе районы кинотеатров, букинистов, редакций журналов? Какая сила привязывала редакции к району Литейного? Это понять непросто, а может, и вообще невозможно.

Но внутри Санкт-Петербурга действительно есть участки, отвечающие одному из определений урочища.

Особенные участки застройки. Во-первых, это огромные территории, на которых застройка однотипная — и в то же время отличается от окружающей. Если сосновая роща посреди степи может быть названа урочищем, то ведь тогда и «застройка пятиэтажными

⁴Профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор философских наук.

⁵Лихачев Д. С. Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века // Учен. зап.

Тарт. ун-та. 1984. Вып. 664: Тр. по знаковым системам. Семиотика города и культуры. Петербург. № 18. С. 73.

шлакоблочными зданиями, с обширными пустырями и заасфальтированными площадками и дорожками на месте соснового брусничного бора на субстрате карельских гранитов» — это тоже антропогенное урочище. Особенно если со всех сторон — девятиэтажная застройка, и этот участок выделяется.

Или, допустим, «каменные жилые здания середины — конца XIX в. с дворами и хозяйственными постройками (дровяными сараями, конюшнями), центрированные вокруг брусчатой мостовой на месте смешанных дубово-сосновых лесов с травяным подлеском на маломощных каштановых почвах». Опять же, если вокруг другая застройка; допустим, одноэтажная деревянная, то, несомненно, мы имеем дело с урочищем... По крайней мере, в одном из двух возможных смыслов этого слова.

Такие урочища появляются там, где застройка возникла примерно в одно время и окружена зданиями других эпох. Причина появления такого острова застройки обычно очень проста, даже прозаична: в этом месте стали селиться люди примерно одного сословия, класса, имущественного положения.

Такие урочища могут быть различны в каждую эпоху и к тому же быстро меняются исторически. Но урочища вообще не вечны; и холм, покрытый со снами, и луг и бор в излучине реки, и леса и луга на острове Невы — все это неизбежно исчезнет, изменится, превратится в другое урочище. В масштабах жизни человека это урочище очень долговечное, почти вечное, но это если мерить одну сущность срока жизни другой — гораздо более подвижной.

Если же говорить о творениях рук человеческих, то кто сказал, что антропогенное урочище должно быть так же долговечно, как и природное? Совершенно не обязательно.

Нецельные целостности. Отдельные небольшие урочища складываются там, где участки городской застройки (пусть разного времени, разного назначения) объединены вокруг какого-то важного элемента городского ландшафта: например крупной улицы, площади, аллеи или набережной.

Дворцовая площадь — это урочище, потому что это сопряженная система фаций городской застройки: мощной площади, разного типа строений вокруг, арки Генерального штаба, Александровского столпа, Зимнего дворца. Так же и Исаакиевская площадь — нецельная цельность площади, аллеи, газонов, Медного всадника, Исаакиевского собора, «Англетера» и других сооружений. В качестве городских урочищ можно рассматривать и Невский проспект, и Университетскую набережную, и Аллею Энтузиастов, и Площадь Восстания. Между всеми этими урочищами нет четкой грани, переходы между ними проницаемы... Но разве этого нельзя сказать и о природных урочищах? Из одинокой сосновой рощи посреди луга мы без особого труда выходим к холму, на одном склоне которого растут дубы, на другом — кустарник. Так же с Дворцовой площади мы легко выходим на Невский проспект через арку Генерального штаба. Из урочища в урочище.

Комплексы сооружений. Для Санкт-Петербурга очень типичны огромные сооружения и комплексы сооружений — дворцов, храмов, учреждений общественного назначения. Каждый такой комплекс включает здания (часто очень различные) и разным способом организованные участки окружающего пространства, то есть отвечает всем признакам урочища.

Такие «городские урочища общественного назначения», по сути, уникальны. Это касается и Зимнего дворца, и Петропавловской крепости, и Менделеевской линии, и Меншиковского дворца, и Михайловского замка. К числу таких урочищ относятся и городские парки — и Летний, и Таврический, и Ботанического института, и рекреационный комплекс на Каменном острове.

Аничков дворец — это комплекс одноэтажных, но все же различных зданий, площади двора и парка.

Ботанический институт — это огромный парк, в котором находятся оранжереи, а также в общей сложности девять зданий разного назначения, возведенных в разное время в разном стиле. Все эти сооружения объединены только тем, что все это — Ботанический институт Императорской академии наук, а потом — Академии наук СССР.

Можно поставить весьма интересный вопрос, решение которого невозможно в рамках этой статьи: как эти небольшие уникальные урочища сопрягаются на территории города — и друг с другом, и с массивами жилой застройки? Ведь соединение нескольких таких урочищ образует такие потрясающие места, как стрелка Васильевского острова или комплекс сооружений на улице профессора Попова — Электротехнический институт, стадион, окрестности телевизионной вышки и территориально сопряженный комплекс из нескольких зданий Ботанического института и Ботанического сада, оранжерей и парка.

Интеллектуальные урочища. Наверное, самый сложный для понимания тип урочищ Петербурга — как раз те, о которых писал Д. С. Лихачев. Мало того, что по неизвестной причине букинисты, театралы и издатели журналов выбирают разные места города для своих занятий — «в городах и пригородах существуют районы наибольшей творческой активности. Это не просто “места жительства” “представителей творческой интеллигенции”, а нечто совсем другое. Адреса художников различного направления, писателей, поэтов, актеров вовсе не группируются в некие кусты. В определенные кусты собираются “места деятельности”, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой откровенности (прошу извинения за это новое вводимое мной понятие), где можно быть “без галстука”, быть во всех отношениях расхоженным и в своей среде. Примечательно, что тяга к творческому новаторству возникает там, где появляется группа потенциальных или действительных единомышленников. Как это ни парадоксально на первый взгляд может показаться, но новаторство требует коллективности, сближений и даже признания, хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Хотя и принято считать, что новаторы по большей части люди, сумевшие подняться над общим мнением и традициями, это не совсем так. К этому стоит приглядеться»¹.

Д. С. Лихачев даже наметил наличие в Петербурге в первой четверти XX в. районов различной творческой активности.

«Четкая “интеллектуальная граница” пролегла в Петербурге первой четверти XX в. по Большой Неве. По правому берегу, на Васильевском острове,

¹ *Топоров В. Н.* Аптекарьский остров как городское урочище // Ноосфера и художественное творчество. М., 1991. С. 77.

располагались учреждения с традиционной академической научной и художественной направленностью — Академия наук с Пушкинским Домом, Азиатским музеем, Кунсткамерой, Библиотекой Академии наук, являвшейся в те годы значительным научным центром, Академия художеств, Университет, Бестужевские курсы и... ни одного театра, хотя именно здесь, на Васильевском острове на Кадетской линии, с 1756 г. стал существовать первый профессиональный театр — Театр Шляхетского корпуса — того корпуса, где учились М. М. Херасков, Я. Б. Княжнин, В. А. Озеров и др.

Иным был интеллектуальный характер левого берега Большой Невы...»¹, причем «различие правого и левого берега Большой Невы ясно осознавалось в свое время»².

Осознается настолько, что когда поэт Жирмунский переселился на другой берег реки, Б. М. Эйхенбаум разразился стихами:

Ты был свидетель скромной сей работы.
Меж нами не было ни льдов, ни рек;
Ах Витя, милый друг! Пошто ты
На правый преселился брег?³

Если переселение одного из «своих людей» трактуется чуть ли не как предательство, то за этим должны стоять достаточно серьезные причины. Разумеется, причины чисто иррациональные... Но ведь должны!

Примерно по той же логике, что и у В. Н. Топорова, Аптекарский остров — место, где удивительным образом концентрировались люди искусства и богемы⁴. Все эти наблюдения, конечно, очень неопределенны, нечетки, не имеют строгих очертаний. Авторы видят, что какие-то части города играют особую роль, именно в них концентрируются интеллектуальные силы, собираются люди с общими творческими интересами — и только. В чем тут дело, почему именно этот район города привлекает людей именно этой профессии или эту творческую группу — этого я предположить не в состоянии.

Но независимо от нашего понимания, интеллектуальные урочища в Санкт-Петербурге были и есть. Иногда можно выделить даже «урочища отдельных профессий». Скажем, в 1970–1980-е гг. «урочищем археологов» был вытянутый треугольник между историческим факультетом Университета и Кунсткамерой на Васильевском острове (одна точка), Эрмитажем и Институтом археологии на Дворцовой набережной. Большая часть петербургских археологов жила не здесь — но в этом почти мистическом треугольнике археологи работали и общались. Дом

ученых, где любили встречаться «за рюмкой кофе», находится как раз между Эрмитажем и Институтом археологии. Одно время молодежь любила собираться в кафе возле Исаакиевской площади (то есть почти не выходя за пределы «археологического треугольника»), но дальше не забиралась.

Прослеживаются урочища и других профессий — по крайней мере, за существование «урочища ботаников» и «урочища геологов» я ручаюсь, правда, не зная деталей, не поручусь, имело ли, например, «урочище ботаников» форму четырехугольника или треугольника. Но тенденция несомненна.

Что еще важно подчеркнуть — быстроту возникновения и исчезновения таких урочищ, их непрочность. Ведь и правда — если даже такое интеллектуальное урочище возникло из-за каких-то особенностей архитектуры в этой части города (что очень трудно и показать, и доказать), то оно не оказывает никакого влияния на местную архитектуру. Что изменилось от того, что именно в этом полуподвале было кафе «Бродячая собака»? Да ничего! Скорее достойно удивления, что Васильевский остров как был сто пятьдесят лет назад, так и остался до сих пор местом жизни и работы академической интеллигенции. Впрочем, где же еще и базироваться ученым, как не вокруг Университета и Библиотеки Академии наук? Это уже не мистика, а планировка города в целом.

Структура урочища в целом. Получается, что Санкт-Петербургское урочище имеет сложную структуру, образованную урочищами разных типов, возникшими в разное время. Во многих урочищах второго порядка выделяются урочища третьего порядка и даже четвертого-пятого.

Исторический центр города — урочище, которое резко выделяется среди более поздней застройки. Адмиралтейская часть — урочище второго порядка, отделенное от всего остального города Невой и Мойкой. Тут выделяются такие комплексы, как Дворцовая набережная, Невский проспект, комплекс Зимнего дворца, Адмиралтейство — урочища третьего порядка. В комплексе Зимнего дворца четко выделяется само сооружение — Зимний дворец, Дворцовая площадь, Адмиралтейский проезд.

В Адмиралтействе — само сооружение, Адмиралтейская набережная, Адмиралтейский садик. Все это пример урочищ четвертого порядка.

Примеры можно продолжать до бесконечности. Природные, географические урочища тоже могут быть иерархическими, но на примере Петербурга видно, до какой степени сложно по структуре и иерархично крупное антропогенное урочище.

¹ Там же.

² Там же. С. 76.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч.